

ВПЕРВЫЕ ПО-РУССКИ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.21

Правильная ссылка на статью:

Штомпка П. Справедливость [Гл.] / пер. с пол. А. А. Зотов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 381—399. Гл. из кн.: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości* / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015. P. 232—250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.21.

For citation:

Sztompka P. Justice / transl. from Polish: A. A. Zototov. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 381—399. Chapter from the book: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości* / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015. P. 232—250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.21.

П. Штомпка СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Глава из книги: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości* / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015. P. 232—250.
Перевод с польского А. А. Зотова

ШТОМПКА Петр — профессор социологии Ягеллонского университета, действительный член Польской Академии Наук, Краков, Польша, с 2002 по 2006 г. президент Международной Социологической Ассоциации.

Piotr SZTOMPKA — is a Polish sociologist known for his work on the theory of social trust. He works at the Jagiellonian University in Kraków, Poland, where he is professor of sociology, full member of the Polish Academy of Sciences. He was president of the International Sociological Association from 2002 to 2006.

Задумаемся над парадоксом социальной справедливости, которая является равенством основ неравенства.

Справедливость — одна из вечных и универсальных идей, сопровождающих человечество от начал истории; встречается она во всех культурах. В этом смысле она похожа на идеи свободы и прогресса и вместе с ними очерчивает горизонт мечтаний людей о лучшей жизни в лучшем мире. Как писал Гарри Бригхаус (Harry Brighouse): «Большинство людей придает огромное значение тому, чтобы жить в справедливо устроенном обществе» [Brighouse, 2007: 7].

Идеи справедливости мы обнаруживаем во многих течениях социальной философии и этики от *Политики* Аристотеля [Aristoteles, 1953] до *Теории справедливости* Джона Роулза [Rawls, 1994]. Она используется в различных идеологических системах — от либерализма до социализма, является оружием в политической

борьбе, которым пользуются как правые, так и левые. Она написана на знаменах протестных и революционных движений, от восстаний рабов до польской Солидарности. Призывают к ней харизматические народные лидеры: от Спартака до Леха Валенсы. Наконец, она пронизывает повседневную жизнь и человеческие действия как в интеллектуальном плане в виде холодного расчета или оценки ситуации, так и в эмоциональном отношении — как сильное переживание. Как констатирует Джозел Файнберг: «Существует огромное разнообразие видов человеческой деятельности, в которых может возникать проблема справедливости» [Feinberg, 1980: 265].

Несмотря на, а быть может, и благодаря этой вечности и универсальности понятие «справедливость» приобрело очень много значений. Эта полисемичность, по мнению некоторых авторов, дисквалифицирует само понятие. Вильгельм Лундстедт пишет: «Понятие справедливости совершенно лишено смысла» [Lundstedt, 1947: 450]. Также Никлас Луманн считает, что «идея справедливости передается в музей староевропейского общества» (цит. по: [Hoffe, 1992: 16]). Такой скептицизм должен был бы проявиться еще во времена Томаса Гоббса, поскольку писал он в Левиафане: «Только глупец может сказать от чистого сердца, что не существует ничего такого, как справедливость» [Hobbes, 1954: глава 15]. Следуя за Гоббсом, замечу, что заявления о смерти идеи справедливости, на мой взгляд, являются преждевременными, ибо идея эта сегодня воспринимается вполне неплохо. Как пишет Отфрид Хёффе: «Перспектива справедливости не утрачивает своей жизненной силы» [Höffe 1992: 18].

Справедливость и социальное положение человека

Чем вызвана необычайная популярность идеи справедливости? Очевидно, тем, что справедливость касается определенных фундаментальных качеств человеческой природы: социального существования человека и его в принципе про-общественной (просоциальной) ориентации. Социальное бытие человека означает, во-первых, что люди всегда живут и действуют в окружении других, находятся в каких-то отношениях с другими — реальными, воображаемыми или даже виртуальными, — но никогда не живут обособленно. От рождения и до смерти нас окружают какие-либо другие. Мы вместе с ними или только рядом с ними; с ними или против них; в сотрудничестве, конкуренции, конфликте, борьбе; в дружбе, доверии, солидарности, зависти и ненависти; мы отождествляем и соотносим себя с теми, о которых мыслим — «они». Как пишет Юзеф Тишнер: «...Мы живем всегда с кем-то, при ком-то, рядом с кем-то, против кого-то, для кого-то» [Tischner, 2006: 68]. Межчеловеческое пространство образовано через различные отношения, отнесения одних людей к другим. Во-вторых, даже когда мы остаемся наедине, даже если в реальном и материальном смысле пространство вокруг нас оказывается пустым, содержанием нашей жизни и дальше остается ориентация на других. С ними мы постоянно ведем «внутренний разговор» [Archer, 2000], руководствуемся навязанными ими правилами или бунтуем против них, выражаем и передаем полученные от них знания, убеждения и воззрения, или отвергаем их; представляем себе их реакцию на наши действия, испытываем за них гордость или стыд. В-третьих,

межчеловеческое пространство беспрестанно меняется благодаря возникновению все новых и новых конфигураций межчеловеческих отношений. Оно находится в беспрестанном процессе становления [Sztompka, 1991]. Это относится как к уровню общности, в которой сети отношений разрастаются или распадаются, так и к уровню индивида, на котором его «личная» сеть включает одних людей, избавляет его от других, окружает нас от рождения и до смерти неким «хороводом», как выразил это в поэтической интуиции Марек Грехута¹, а теоретически обобщил Рай Пал², когда ввел понятие «социального конвоя» [Pahl, 2000: 2]. В-четвертых, любые социальные образования (группы, сообщества, ассоциации, институты, национальные государства, глобальное общество) существуют реально только потому, что, и только до тех пор, пока между их членами присутствуют реальные связи и взаимные отношения. Иначе говоря, пока их заполняет какое-то межчеловеческое пространство. Когда Петер Ворсли³ писал провокационно, что только в наше время человечество существует реально, а не только в воображении поэтов и философов, он имел в виду, что только процесс глобализации позволил формировать подлинные отношения, зависимости, связи между людьми поверх всех границ и континентов, регионов и государств [Worsley, 1984]. Эти четыре онтологических тезиса можно обобщенно выразить в следующем простом определении: общество — это все, что совершается между людьми. Или, иными словами: общество — это поле межчеловеческих отношений в непрестанном процессе становления.

Что касается второго фундаментального свойства человека — естественного способа отношения к другим, — то существуют две противоположные позиции или точки зрения: циничная и романтическая. При первой — человека воспринимают как существо эгоистичное и антисоциальное, чей индивидуализм должен только обуздываться посредством введения в действие культурных норм в ходе социализации и социального контроля. В философии хорошим примером выражения этой идеи является Томас Гоббс, а в классической социологии — Эмиль Дюркгейм. Противоположная точка зрения определяет человека как существо в сущности просоциальное⁴, естественными импульсами которого являются симпатия, солидарность и сочувствие, и только нечеловеческие социальные условия могут такие рефлексы подавить, привести к изоляции от других, эгоцентризму, конфликту и борьбе. Так, например, воспринимает «природную сущность» человека Карл Маркс в теории отчуждения [Fromm, 1966]. Но для нас в данном контексте важно то, что независимо от происхождения — как навязанная культурой позиция или как врожденная тенденция — людей отличает <от животных> наличие нравственных побуждений, обязывающих их проявлять заботу о благе других, или, во всяком случае, принимать во внимание их благо в своем поведении [Wilson, 1993].

¹ Марек Грехута (Marek Grechuta) — польский певец и композитор. Все примечания принадлежат переводчику.

² Полное имя: Raymond Edward Pahl — британский социолог, известный работами о социальной поляризации, труде и дружбе в пригородах в постиндустриальном обществе.

³ Петер Ворсли (Peter Worsley) — британский социолог и социальный антрополог.

⁴ Понятие «просоциальное» получено путем добавления к слову «социальное» приставки про-, позволяющей выразить поведение или действие во благо и в интересах кого-либо. Используется в бихевиоризме, где обозначает поведение, приносящее пользу другим людям, общности или обществу в целом.

Смысл идеи справедливости

По этим двум причинам, то есть по причинам социального существования человека и его моральной квалификации, идея справедливости всегда присутствует в культуре и в общественном сознании. В социальной жизни эта идея проявляется тройко. Во-первых, как общий нравственный принцип, задающий социально признаваемый или желательный характер поведения. Понимаемой так справедливостью мы в основном и будем заниматься в данной статье, стремясь к точной экспликации принципа (или принципов) справедливости с показом того, какого поведения он (они) требует (требуют). Во-вторых, справедливость проявляется как закрепляемая в кодексах правовая норма. В декларативной форме мы встречаем эту идею в Конституции Польши, ст. 2 которой провозглашает: «Республика Польша является демократическим правовым государством, осуществляющим принципы социальной справедливости». К справедливости апеллирует не только Основной закон, но и законы и юридические нормы более низкого ранга, которые обращены к ней либо напрямую, либо в рамках более обширной категории «норм поведения человека в обществе» и «прав человека». Справедливость появляется также в процедуре исполнения законов, и в отношении обоснований решений Конституционного суда и судов обычной юрисдикции. Между нравственным и юридическим пониманием идеи справедливости имеется, конечно, близкая связь⁵. Оба они придают этой идее нормативный смысл — как описания желательных или социально ожидаемых способов поведения, как их основа. В этом они часто сходятся, ибо правовые нормы, как правило, адаптируются к доминирующим в обществе этико-нравственным интуициям. Таким образом, экспликация нравственного принципа справедливости имеет также значение и в отношении гражданского права.

Мы не будем, однако, заниматься третьим уровнем функционирования справедливости: вопросом о том, как и насколько успешно проводится этот принцип в реальной общественной жизни в той или иной стране, в той или иной социальной общности, группе или социальной организации. Мы не станем оценивать, справедливые или несправедливые в них социальные отношения, представляя только образец, или, как сказал бы Макс Вебер, «идеальный тип» справедливости [Weber, 1949], который может служить в диагнозе немаловажного аспекта социальных реалий.

Мы начнем наш анализ с вопроса о том, какова денотация (основное значение) понятия справедливости, к чему это понятие относится. Понятие это представляет собой компоненту морального (или морально-правового) дискурса, то есть касается отношений между людьми, способа формирования межличностного пространства. Например: справедливая сделка, справедливая оплата, справедливая оценка. Любые иные использования понятия оказываются производными от этого основного смысла. Мы применяем, например, идеи справедливости для описания черт характера, говорим: «справедливый шеф, справедливый судья».

⁵ Для правильного понимания этих строк следует учесть, что в польском языке наряду со значением нравственной ценности «sprawiedliwość» используется также как синоним правосудия и юстиции. В западноевропейской культурной традиции и в римском праве латинское слово «justice» охватывает оба названных значения, тогда как в русском языке «справедливость» и «правосудие» разведены.

Но, в сущности, мы имеем в виду только типичный для этих людей способ поведения в отношениях с другими: с работниками в первом случае, с обвиняемыми или «сторонами» — во втором. Когда мы порой относим понятие справедливости к институту в целом, мы говорим: «справедливое правительство, справедливый суд, справедливая школа». Однако, в сущности, речь идет здесь о доминирующем в рамках этих институтов виде отношений с другими — гражданами, подсудимыми и учениками, следующем из того, как правят справедливые политики, как судят справедливые судьи, как учат справедливые учителя. Таким образом, последним звеном простой или двойной редукции остаются отношения в межлическом пространстве.

Если так, то любая справедливость всегда оказывается социальной: она проявляется только в отношениях с другими людьми и лишена смысла применительно к изолированным индивидам. На необитаемом острове Робинзон Крузо не может быть ни справедливым, ни несправедливым. Но вопрос о справедливом отношении к другому человеку возникает сразу, как только появляется на острове Пятница. Его можно справедливо накормить из накопленных запасов продуктов, его можно справедливо наделить необходимой работой и т. п.

Вопрос о денотации понятия представляется, таким образом, довольно простым: оно означает отношение. Но какова его коннотация? Что оно означает, какие свойства и отношения описывает, какой их тип признает за должный образец? Интуиция подсказывает, что такие элементы дискурса о морали, как честность, порядочность, принципиальность, добросовестность, ответственность, правдивость, верность, законность, доверие и подобные им указывают на иные, чем справедливость, желательные способы отношения к другим людям. В истории социальной мысли, а также в обыденном мышлении предстают как близко связанные со справедливостью три понятия: пропорциональность (в переносном смысле это можно выразить как «хорошее равновесие»), беспристрастность («равновесие на хорошо тарированных⁶ весах») и равенство (использование одних и тех же весов с одной и той же шкалой). В моем понимании справедливости находят применение все три значения, но не в одинаковой мере. Центральной для меня является идея пропорциональности, которую мы находим уже у Аристотеля [Aristoteles, 1953]. А идеи беспристрастности и равенства имеют вспомогательный характер.

Справедливость и равенство

Больше всего недоразумений и парадоксов вызывает отождествление справедливости с равенством. Такой оборот мысли⁷ часто встречается во всевозможных политических программах и революционных манифестах — в основном сформулированных в левой среде. Примитивный эгалитаризм основан на принципиальном недоразумении. Ведь люди, говоря прямо, не являются равными. Они неравны в своих имманентных характеристиках, способностях, талантах, предрасположенностях, по своим физическим возможностям, уровню подготовки, состоянию здоровья, долголетию. Они не равны также в своей биографии и в своем жизненном

⁶ Тарировка представляет собой проверку одного измерительного прибора с помощью другого — контрольного.

⁷ В оригинале использовано выражение «skrót myślowy», означающее лаконичное обобщение или отождествление по умолчанию. Разговорная идиома, не имеющая русского эквивалента.

опыте: в достижениях, приобретенных навыках, в компетентности, в образовании. Наконец, они неравны в своих принадлежностях и социальных идентичностях, то есть в участии в группах, общностях, социальных средах, социальных классах или слоях с разным доступом к материальным ресурсам, к власти и к престижу. Все люди разные, и эти отличия чаще всего приобретают характер иерархической дифференциации на лучших и худших. Только в трех аспектах люди действительно равны. В биологическом аспекте они равны перед смертью и, следовательно, перед неизбежностью судьбы. В аксиологическом аспекте они равны как носители неотъемлемого достоинства человеческой личности, независимо от каких-либо различающих их обстоятельств, а для верующих они еще и равны в теологическом аспекте — перед Богом. Но здесь, на Земле, они всегда остаются неравными. «Требование полного равенства для каждого оказывается рецептом на несчастье для всех», — пишет Лешек Колаковский [Kořakowski, 1997: 27], обращаясь к политической практике коммунизма, признающей примитивный эгалитаризм как тождественный справедливости. А Мартин Круль предупреждает: «...Всякая механическая реализация равенства неизбежно вызывает ограничение равенства» [Król, 1991: 62].

Но ведь мы часто встречаемся с формулировками, которые внушают, что справедливость требует если не равенства *tout cours*, то, во всяком случае, равенства в некотором смысле. Это приводит к парадоксам. Парадокс первый появляется, когда мы требуем равенства перед законом. Что же, в сущности, это означает? Речь идет о применении одних и тех же законов, но по отношению к неравным людям, и применение этих законов приводит к новому распределению неравенства. Например, преступники являются неравными, убийца и карманный вор размещаются в разных местах шкалы преступлений. И уголовный процесс приводит к новому неравенству: первого приговаривают к пожизненному заключению, а второго — к одному году тюрьмы. Второй парадокс касается требования равных условий труда и его оплаты. Но ведь по существу речь идет об использовании тех же самых принципов вознаграждения в отношении неравных работников, хороших и плохих, что в результате приводит к неравным заработкам и к привилегиям. Третий парадокс связан с требованием равенства в образовании. Речь идет, по сути, о равном доступе к образовательным институтам и к процессу обучения, который, разумеется, охватывает неодинаковых учащихся, трудолюбивых и ленивых, умных и глупых, что в результате приводит к очередному неравенству между учащимися, лучше и хуже обучающимися. Четвертый парадокс связан с призывом к равенству полов. Речь идет о том, чтобы по отношению к женщинам и к мужчинам использовать одни и те же принципы справедливости, которые, однако, неизбежно порождают неравенство, и при этом он еще и проходят поперек гендерных барьеров. Аналогичный характер имеет пятый парадокс, который выдвигает понятие равенства возможностей. Речь идет о предоставлении каждому схожих начальных условий в ситуации соперничества, следовательно, равных условий конкуренции за редкое благо или ценность. Или — в более широком биографическом измерении — о предоставлении равного жизненного старта, то есть тех же ресурсов в начале карьеры, которая в дальнейшем приводит, однако, к неравным достижениям, измеряемым ресурсами материальных благ, власти и престижа.

Все приведенные выше примеры позволяют кратко обобщить сказанное выше в интуитивном суждении: справедливость — это применение ко всем в равной мере одних и тех же принципов и критериев, порождающих неравенство. Справедливость — это равенство правил неравенства. Такое определение можно назвать процессуальным, так как оно относит справедливость к процессам и процедурам, приводящим к неравенству. Требуется только, чтобы эти процедуры применялись одинаковым образом ко всем, и чтобы все имели равные возможности участия в процессах, приводящих к неравенству.

Это сразу рождает вопрос: каковы же эти принципы или правила, и какое неравенство они порождают? Это требует выделения пяти типов справедливости в зависимости от характера межлических отношений, которые справедливость регулируют: (а) дистрибутивной справедливости, именуемой иногда распределительной, которая относится к распределению редких благ и ценностей; (b) коммунитарной справедливости, относящейся к разделу долей и привилегий, вытекающих из участия в группах; (с) ретрибутивной справедливости, называемой иногда выравнивающей, которая относится к пропорциональному возмещению (компенсации) за причиненный ущерб или вред; (d) трансакционной справедливости, регулирующей пропорции обмениваемых благ, товаров и услуг, а также (e) атрибутивной⁸ справедливости, требующей адекватности формулируемых оценок или мнений по отношению к действительным ценностям или заслугам оцениваемых лиц. Перейдем теперь к анализу этих разновидностей справедливости.

Дистрибутивная справедливость

Дистрибутивная справедливость касается распределения благ, выгод и привилегий между членами общества. Экономисты говорят о редкости благ, то есть о ситуации неизбежного дефицита ресурсов при их распределении по отношению к потребностям членов общества. Психологи показывают, что нет предельного уровня полного удовлетворения потребностей, ибо запросы и стремления индивида всегда опережают его потребности. Из этих двух констатаций следует необходимость введения каких-то правил, которые регулировали бы, кому какую часть от общего «пирога» надлежит получать. Эта проблема возникает при выстраивании систем оплаты труда, премирования и вознаграждения, пенсионной системы и т. д. Когда распределение может быть признано справедливым? Если справедливость — всего лишь пропорциональность, то в таком случае о пропорции чего и к чему идет речь? Итак, чаще всего указывают на пропорции участия в общих ресурсах, доступа к общему фонду широко понимаемого капитала — по заслугам. Дополнительное условие — это беспристрастность и, следовательно, установление пропорции в соответствии с универсальными, а не партикулярными (учитывающими только чьи-то партикулярные интересы) критериями, то есть принятие во внимание исключительно заслуг, а не иных обстоятельств. Мы назовем это принципом распределения по заслугам (он именуется также меритократическим принципом)⁹.

⁸ От польского слова *atrybucja* — компетенция.

⁹ От лат. *meritum* — заслуга, награда; *pro merito* — по заслугам.

Два понятия, используемые при описании такого принципа, требуют пояснения. Речь идет о понятиях «заслуги» и «распределяемые ресурсы» (капитал). На заслугу можно посмотреть с точки зрения индивида, или той группы, заслугу которой мы оцениваем по каким-то критериям, и с точки зрения других индивидов (или сообществ), которым она служит. Используя экономическую метафору, можно говорить о стороне заслуги, относящейся к спросу и предложению. Обе стороны медали взаимосвязаны. Только когда действие, сопряженное с разного рода затратами сил и средств, оказывается в чем-то полезным для других, мы можем сказать что-то о заслугах. Например, если изобретатель с большими затратами сил создает что-то совершенно бесполезное, или если писатель пишет в ящик, и никто его не читает, мы это не признаем как заслугу. Другое дело, что это может быть признано как заслуга в будущем, когда уровень технологии созреет до внедрения изобретения, а эстетические вкусы общества — до чтения авангардной (передовой) книги.

Итак, что же мы принимаем во внимание, когда оцениваем чью-либо заслугу? Парадоксально, прежде всего, что *de facto* она является даром судьбы: особые таланты, способности, предрасположенности. Затем мы обращаем внимание на приобретенные собственными усилиями компетенции, умения, подготовку, знания. Классическая теория социальной стратификации Кингсли Дэвиса и Уилберта Мура (1945) сосредоточила внимание на процессе приобретения компетенции (через образование, тренировку). Она доказывает, что заслугу можно оценить через два рода субъективных затрат: понесенные расходы на получение компетенции и утраченные в этом процессе выгоды (например, то, что можно было бы заработать, если бы вместо учёбы выпускник школы или лица сразу начал работать). Еще один критерий заслуги — приложенные силы и старания, вложение труда, измеряемое различными способами. Проще всего это делается количественно через рабочее время, но, к примеру, в творческих (а также научных) профессиях это делается качественно, через так называемые достижения, труды или публикации. Часто количественным критерием является «выслуга лет», и за этим кроется предположение, что длительный стаж работы приводит к особой компетентности: человек обретает опыт, становится мудрее. Конечно, это предположение не всегда оказывается верным, но, несмотря на это у нас вручают, например, «медаль за долготлетнюю службу», руководствуясь только количеством отработанных лет. В свою очередь, важно учесть еще и степень тяжести риска, связанного с работой. Поэтому, к примеру, высоко оценивают работу шахтеров, полицейских и военнослужащих. Мы также принимаем во внимание степень ответственности, например, особо вознаграждаем тех, кто осуществляют руководящие или представительские функции (директоров, председателей, депутатов, министров). Последнее обстоятельство — это уникальность, редкость предлагаемой функции или предоставляемой ценности; вновь применив метафору из экономической области, можно сказать об их ограниченном предложении. Гениальных футболистов, теннисистов, писателей, ученых не бывает много. Их исключительность означает большой вклад в их сфере, оправдывающий высокое вознаграждение. Это своеобразная премия, добавляемая к иным критериям заслуг, которые, как правило, также принимают в расчет при учете таланта, компетенции и усилий. Можно было бы назвать это «эффектом Нобелевской премии».

Изменим теперь перспективу и посмотрим со стороны других, а именно — тех, кому заслуга должна послужить. Как ранее было сказано, условием заслуги является предоставление другим тех ценностей, которые мы имеем в распоряжении. Мы работаем на чье-то благо, производим для кого-нибудь, управляем кем-то, творим для публики. Это не только факт, но и в некоторых областях долг, обязательное требование. Например, в классической концепции научного этоса Роберта Мертона появляется норма «коммунализма» (*komunalizm*)¹⁰, требующая от исследователя предоставления публичного доступа для ознакомления со своим открытием или со своей теорией путем ее публикации [Merton, 1996a]. Вторым учитывающим «спрос» критерием заслуги является степень ее полезности для других. Дэвис и Мур писали о функциональной ценности определенной социальной роли, а измерение этой ценности позволяет провести отходящий от фактов (*kontrafaktyczny*) мысленный эксперимент: поразмышлять, что было бы, если бы такой роли никто не исполнял [Davis, Moore, 1945]. Крайняя точка шкалы — это необходимость для общества: случай врача, учителя, полицейского. Следует заметить, что помимо сугубо базовых потребностей (в поддержании здоровья, передаче культуры, в гармонии, в порядке) то, что необходимо, оценивается субъективно и меняется по ходу цивилизационного и технологического развития. Сегодня трудно себе представить жизнь без компьютеров, и отсюда к числу необходимых и высоко оцениваемых присоединяются, например, профессии информатика, программиста, администратора сети. Чем-то иным, и отличным от необходимости, является привлекательность предлагаемой услуги, ее массовый резонанс. Наверное, без знаменитостей, без звезд поп-культуры, славных футболистов можно было бы обойтись, но их зачастую астрономические награды и выплаты оправдывают массовый спрос: миллионные тиражи таблоидов¹¹, платиновые диски, телевизионный рейтинг и популярность. Проходивший в Испании дерби, футбольный матч между ФК Барселона и Реал Мадрид, посмотрели по ТВ до полумиллиарда зрителей. Театральный спектакль надо было бы играть каждый вечер на протяжении нескольких тысяч лет, чтобы достичь подобного охвата аудитории. В высказывании, что массовые герои «известны потому, что известны», скрыта верная догадка, хотя во многих случаях они известны и прославились еще и потому, что незаурядны, то есть выполнены субъективные критерии заслуги: исключительный, особый талант, долгие тренировки и усилия, особые умения и редкие навыки. Персонажи, чья популярность была создана за счет чистого маркетинга и рекламного продвижения, безо всяких заслуг с их стороны, имеют, однако, периферийный, маргинальный характер. Чаще всего бывает так, что обсуждаемый сейчас критерий «спроса» добавляется к другим критериям заслуги, учитывающим «предложения». Можно было бы назвать такую ситуацию «эффектом Рональда Рейгана».

Второй составляющей в определении дистрибутивной справедливости является то, что делается в соответствии с заслугами, то есть распределяемые ресурсы,

¹⁰ В русском издании «Этоса науки» Мертона этот термин переведен как «коммунизм» (См.: Мертон Р. (2006) Этос науки. В кн.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель. С. 775—777). Такой перевод представляется некорректным, поскольку у Мертона речь идет не о коммунистическом идеале, а о принципе обеспечения условий равного коллективного использования научных открытий всеми представителями научного сообщества.

¹¹ Таблоид (от *англ. Tabloid*) — малоформатная газета, публикующая сенсационные материалы из частной и светской жизни знаменитостей с множеством иллюстраций.

или, иначе говоря, фонд капитала. Со времен классической экономической науки известно, что наиболее привлекательным благом является капитал и потому люди чаще всего связывают представления о справедливости с распределением капитала, которым располагает сообщество (группа, общность, фирма, государство). Привлекательность капитала следует из двух качеств: из тенденции к приумножению через использование (например, посредством его вложения, инвестирования) и из возможности обмена на иные блага, удовлетворяющие потребности (на потребляемые блага, товары и услуги, или иные формы капитала). Доступ к разным формам капитала является, несомненно, условием хорошей и достойной жизни. Читатель, который в этом месте заподозрит автора в крайнем материализме, не учитывает, что в социологии мы уже давно отошли от отождествления капитала с деньгами. Понимание капитала в широком значении охватывает самые разные ценности и блага. Только первый род: финансовый капитал, охватывает средства обмена и средства производства, разделенные экономической системой. Но наряду с этим меритократический принцип требует также дифференциации доступа к иным формам — к капиталу власти, распределяемой в политической системе (например, при демократии — через выборы), к образовательному капиталу, распределяемому в образовательной системе (например, через различия в образовании), к капиталу защиты здоровья, распределяемому через систему здравоохранения (например, благодаря государственным и частным медицинским учреждениям, системе социального обеспечения и медицинского страхования), к социальному капиталу, или к сети контактов и кооперации с другими, которые доступны в неравной степени, к культурному капиталу, распределяемому в семейно-воспитательной системе, и, наконец, к информационному капиталу, распределяемому через масс-медиа.

Общественная жизнь не настолько проста, чтобы один только меритократический принцип обеспечил справедливое распределение благ. Она требует внесения разного рода корректив. Можно говорить о необходимой уравнительной справедливости. Такие корректировки вводятся вследствие трех обстоятельств. Во-первых, с учетом прирожденного и неотъемлемого достоинства каждого человека, независимо от заслуг. Как пишет Лешек Ковальковский, «...достоинство оказывается независимым от всего того, что разделяет людей; следовательно, оно не зависит от пола, расы, национальности, образования, рода занятий, характера» [Kofakowski, 1997: 24]. Сообщество (семья, государство) обязано обеспечить прожиточный минимум каждому своему члену. Выражением этого выступают, например, предписания относительно обязанностей родителей, установление минимальной оплаты труда, пособия и иные формы социальной защиты. Сообщество также стремится оказывать помощь тем, кто пострадал не по своей вине от нанесенного им вреда, или кто неспособен иметь заработок (например, люди с ограниченными возможностями, безработные). Этому служат волонтерские акции, благотворительность, социальная помощь и т. п. Во-вторых, коррективы имеют цель выровнять шансы на достижение заслуг, которые оказываются неравными уже на старте, учитывая биографические случаи (например, у людей, родившихся в бедной семье или в отдаленном селе), или исторически сформировавшиеся дискриминации (например, женщины, этнические или бытовые меньшинства и т. п.). Выравниванию этих несправедливо-

стей служит позитивная дискриминация (англ. affirmative action — предоставление преимущественных прав или привилегий некоторым группам в образовательной конкуренции или в привлечении на определенные профессии), постулаты паритета, то есть равного представительства дискриминированных групп и социальных категорий в профессиональной и политической жизни. Этому служит также предотвращение чрезмерного накопления привилегий и их передачи по наследству из поколения в поколение, например — при помощи ограничительного закона в отношении наследования. Так называемые урезания бюджетных ассигнований, экономия государственных средств, или, говоря более мягко, «восстановление государственных финансов» — ничто иное, как ограничение ресурсов, распределяемых в системах в условиях кризиса. Совершается это нередко во имя общего интереса, не обязательно даже ради поколения, живущего в данный период, но и ради будущих поколений. Другие проявления корректировок — привилегированные условия для некоторых профессий, специальностей, отраслей и секторов экономики, более востребованных, или вносящих в данной ситуации больше, чем другие, в общий фонд (например, производство на экспорт, оборонная промышленность во время войны, дорожное строительство по программе Euro 2012).

Принцип меритократической справедливости и его коррективы имеют нормативный характер. Они задают социально желательное положение вещей, указывают образец справедливого распределения благ между членами сообщества. К сожалению, как и любая норма и любой эталон, он может отходить от реалий социальной жизни. Наиболее часто встречаемое отступление от меритократического принципа представляет собой социальное исключение, то есть это отступление определенных групп от распределения благ независимо от заслуг их членов: это nepotизм, то есть чрезмерное вознаграждение членов своей семьи, или более общая форма того, что Эдвард Бэнфилд (Edward Banfield) назвал «аморальной семейственностью» («безнравственным фамилизмом»), то есть протектированием «своих» [Banfield, 1967]. Далее, — это клиентелизм, то есть подчинение других посредством манипулирования вознаграждениями, коррупция, получение непропорциональных вознаграждений благодаря занимаемому должностному положению, «эффект Яношика»¹²; принудительное перераспределение, отнятие у богатых и отдавание бедным, и, наконец, если использовать оборот Роберта Мертона, эффект «Матфея», то есть тенденция к приумножению богатств и к углублению однажды начавшейся деградации вследствие действия механизмов «самореализующихся пророчеств» [Merton, 1996b].

Коммунитарная справедливость

Второй тип справедливости — коммунитарная справедливость связан с аспектом социальной жизни людей, заключающимся в их участии во всевозможных общностях (communitas), группах, объединениях, организациях — от семьи и до государства. Из факта членства следуют обязанности, в том числе обязанность несения расходов и повинностей во благо сообщества. В семье это обязанность добывания финансовых средств, выполнения домашних работ. В ассоциациях — обязанность выплачивать членские взносы. В случае государства — обязанность

¹² Яношик Юрай — легендарный разбойник, национальный словацкий герой, аналог Робина Гуда, который «у богатых отбирал, и бедным давал».

уплаты налогов, взносов в системы здравоохранения и социального страхования. Когда мы можем о таких податях сказать, что они являются справедливыми? Если справедливость — это определенная пропорция, то о какой пропорции идет речь в таком случае, о пропорции чего к чему? Мы отдаем в пользу общностей некие частные блага (например, деньги), а получаем общую пользу, общественные блага (например, журнал, издаваемый в этой общности, защиту от угроз государства). Комунитарная справедливость — это пропорция ценности отдаваемых частных благ к ценности получаемых публичных благ, пропорциональность выплат по налогам и сборам и получаемых от них выгод. Нормативный принцип, требующий соблюдения такой пропорции, мы назовем принципом выгодного участия. Хотя это и кажется невероятным, но имеются такие страны (например, скандинавские), где люди платят налоги безропотно, считают это *fair deal* (хорошим делом). Потому что на свои деньги они получают от государства сильную армию, четко работающую полицию, дружелюбную администрацию, доступное и эффективное здравоохранение, превосходную дорожную сеть, точно по расписанию следующие поезда. Также встречаются и объединения, как, например, Американская социологическая ассоциация (ASA), в которых в обмен на уплаченные взносы ее члены получают профессиональные журналы, информацию о научных конференциях, вакантных должностях и новых публикациях, доступ к облегчающим контактам базам данных и адресов в Интернете. Они получают при этом также информацию о курсах по методам исследований, снижение регистрационного взноса на ежегодных съездах и т. д. В Международной социологической ассоциации (ISA) издается постоянно пополняемая интернет-энциклопедия по социологии («Социопедия»), доступная только для членов Ассоциации *in good standing* (то есть, выплачивающих взносы). Наряду с пропорцией обязательных выплат по налогам и сборам и получаемой от этого выгоды принцип выгодного участия требует также, чтобы все члены (граждане) имели одни и те же повинности, исполняли одни и те же обязанности, и чтобы все получали от этого равную выгоду. То есть, чтобы принцип проводился в соответствии с универсальными, а не партикулярными критериями.

Реалии жизни диктуют, однако, необходимость некоторых корректировок. Принимается, например, во внимание реальная возможность налоговых выплат в зависимости от заработков. Отсюда льготы и освобождения от налогов для определенных групп, единый линейный подоходный налог (англ. *flat tax* — чем больше зарабатываешь, тем пропорционально больше платишь, хотя и получаешь взамен тоже, что и другие граждане) и разные шкалы членских взносов. В Международной социологической ассоциации (ISA) самые низкие членские взносы платят африканцы, а самые высокие — американцы и немцы. Поляки с гордостью ввели себя недавно в высшую группу как граждане, по-видимому, уже достаточно состоятельные. В добровольных ассоциациях самые низкие взносы выплачивают, как правило, пенсионеры. Другая корректировка заключается в нарушении пропорции при увеличении тягот и повинностей граждан (повышение налогов) и ограничении исполнения обязанностей государства (снижение социальных выплат) в случае экономического кризиса и иных чрезвычайных ситуаций. В период войны государство может возложить на население дополнительные повинности в виде принудительных контрибуций и мобилизации резервистов в армию.

Нарушение этого принципа в плане несения расходов уже не в порядке исключения, но регулярное, приносит с собой прогрессивное налогообложение (если больше зарабатываешь, то и выступишь непропорционально больше, чем те, кто зарабатывает меньше). Вопреки принципу также встречаются разного рода произвольные освобождения от выполнения повинностей (например, индивидуальные налоговые льготы). Нарушением этого принципа является также неравный возраст выхода на пенсию мужчин и женщин, особые пенсионные привилегии для некоторых профессиональных групп. Со стороны податных граждан (*ponoszacych daniny*) явным нарушением нормативного принципа членами общества является *free riding* (езда зайцем), то есть эгоистичное уклонение от участия в расходах при пользовании общими благами. Это своего рода паразитизм по отношению к обществу, частью которого являешься.

Ретрибутивная справедливость

Большая теоретическая и практическая тема — это еще один тип справедливости — ретрибутивная справедливость. Она касается санкций (наказаний) отмеряемых членам групп, общностей, объединений или гражданам государства за нарушение действующих моральных или правовых норм. Наибольшее значение имеет тот сегмент социального контроля, который представлен правовой системой и системой исполнения закона — правосудием. О какой пропорциональности идет речь в этом случае? О пропорции между виной и наказанием. Назовем требующее этого правило справедливости «принципом правильной оплаты». Ее дополнением является, как и в предыдущих случаях, задача обеспечения одинакового отношения ко всем гражданам, то есть использования принципов или правил в соответствии с универсальными, а не партикулярными критериями, иначе говоря, требование беспристрастности. Эти принципы символически выражает образ Фемиды с завязанными глазами.

Наиболее спорной при таком формулировании принципа справедливости является категория вины. Здесь мы не можем углубляться в поле одной из наиболее разросшихся областей теоретических споров, относящейся к теории и практике уголовного права. Для наших целей достаточно показать, что совершение уголовно наказуемого действия не следует отождествлять с виной. Вина представляет собой деяние, квалифицируемое на основании разнообразных обстоятельств, признанных в праве и в судебной практике. Это субъективные обстоятельства, связанные с личностью виновного, его человеческими особенностями, мотивациями, жизненными условиями, а также обстоятельства ситуативные, связанные с ситуацией совершения преступления. Справедливое взвешивание вины и соблюдение принятой в обществе социально справедливой пропорции при определении меры наказания — очень сложная задача, требующая высокой профессиональной и моральной квалификации. Именно поэтому профессия судьи пользуется, как правило, высоким престижем и наделяется особыми привилегиями.

Необычайно сложная область, регулируемая на основе этого принципа, требует внесения различных коррективов. Первый их род — это так называемые обстоятельства, смягчающие или даже снимающие наказание: в частности, невменяемость, необходимая самооборона, высшая необходимость. Возвращаясь к метафоре, отме-

тим, что здесь ожидается, что Фемида будет судить не с закрытыми, но с открытыми глазами. Другая корректировка — это вопрос наказуемости по преступлениям, когда-то давно совершенным, если истек срок давности. На этапе исполнения приговора корректировками принципа являются помилования, досрочные освобождения или, в массовом масштабе, — амнистии. В отношении определенных категорий граждан такой корректировкой является иммунитет: депутатский, прокурорский, судейский, не позволяющие привлекать их к уголовной ответственности, осуществлять в отношении них следственные и судебные процедуры.

Нарушением принципа, даже понимаемого либерально, с учетом поправок и корректировок, является пристрастность судьи, нарушающая пропорцию вины и наказания, коллективная ответственность, охватывающая и посторонних людей, не имевших ничего общего с совершенным преступным актом, наказание для примера (показательные процессы) в отношении невинных людей, произвольные, необоснованные акты милосердия и досрочного освобождения.

Справедливость обмена

Четвертый тип справедливости — справедливость обмена или транзакции касается любых обменов, транзакций и договоров, заключаемых членами общества. Простейшая иллюстрация — транзакция купли-продажи, трудовой договор, контракт между партнерами. О какой пропорциональности мы при этом говорим, какой пропорции мы ожидаем? Речь идет о пропорции в отношении ценности того, что мы обмениваем: отношении между товаром и ценой (говорим о правильной или честной цене), между трудом и заработной платой (говорим о допустимой заработной плате). Можно говорить о принципе верной и честной оплаты (вознаграждения).

Самая серьезная проблема, которую этот принцип создает, касается оценки ценности и стоимости того, что мы предлагаем и что является предметом оплаты. Можно указать на две отличные точки зрения: классическую и неолиберальную. В классической политэкономии, у Маркса, например [Avineri, 1968], ценность товара (или услуги) трактуется как выражение приложения труда к его созданию (или в случае услуги — к ее оказанию). Конечно, это порождает дальнейшие проблемы с измерением затрат труда, с чем особо сталкиваются планово-финансовые отделы. Но насколько трудно измерить затраты труда в абсолютном смысле, настолько легче сделать это в сравнительном, относительном смысле. Стул, конечно, проще изготовить, чем компьютер, а велосипед проще произвести, чем автомобиль. Принцип, следовательно, выполняется, когда первые дешевле, чем вторые. Но насколько они должны быть дешевле? Как измерить интеллектуальный вклад, содержащийся в телевизоре, мобильном телефоне или компьютере, сборка которого на автоматической линии производства не требует больших усилий, а стоимость материалов является незначительной? Всех этих трудностей избегает неолиберальная точка зрения, при которой обращаются к законам спроса и предложения, то есть к «невидимой руке рынка». Товар или труд имеют ценность лишь постольку, поскольку кто-то («рынок») готов за них платить. Точка.

Обсуждаемый принцип применяется по-разному в зависимости от принятой позиции. В соответствии с классической концепцией, многомиллионные зарплаты

руководителей Формулы 1, как и суммы контрактов при найме известных футболистов и теннисистов явно идут вразрез с социальной справедливостью и с идеей достойного вознаграждения. Точно также, украшенные алмазами горные лыжи фирмы Lacroix за 35 тысяч Евро или наручные часы Rolex за ту же или даже более высокую цену нарушают критерий достойной цены. Но при неолиберальной концепции нет ничего плохого, если на свободном рынке находятся работодатели, готовые предложить подобную оплату, или же встречаются покупатели, готовые принять такие высокие цены. Как можно видеть, и те, и другие существуют.

В первом и во втором понимании принципа признанные коррективы — это отпуск для поправки здоровья¹³, по материнству, по уходу и научные (академические) отпуска. При этом *de facto* индивид вознаграждается за невыполненную работу. Другая подобная корректировка — это ограниченные обязанности в работе для лиц определенных категорий (например, для индивидов с ограниченными возможностями, несовершеннолетних, беременных женщин). Существуют также скидки на товары и услуги для некоторых категорий покупателей (например, для людей старшего возраста, пенсионеров, ветеранов). Такие корректировки чаще всего получают общественное признание. Иначе обстоит дело в случае явных отступлений от принципа социальной справедливости: эксплуатации, ростовщичества, ценового сговора, использования монопольного положения.

Атрибутивная справедливость

Пятый и последний тип справедливости — атрибутивная справедливость, относящаяся к оценочным суждениям, вербальным либо символическим, которые мы высказываем в отношении других людей. В сущности, всегда идет речь о каких-то конкретных людях, но мы высказываем более общие суждения, оценивающие целые социальные категории, группы, социальное окружение (*środowisko*), институции, а также плоды деятельности людей, продукты, объекты, товары, произведения искусства, научные концепции. Это очень обширная категория, в которой мы находим мнения, рецензии, референции (рекомендации), рейтинги, зондажи, а также ученые степени — школьные и университетские. О какой пропорции речь идет в таком случае, чтобы можно было говорить о справедливых мнениях или справедливых оценках? Речь идет о пропорции действительных достижений и полученного признания. Мы будем говорить о принципе честной (*rzetelnej*) оценки. Дополнением этого принципа является требование объективности и беспристрастности, или применения одних и тех же стандартов — критериев и оценочных шкал в отношении всех. Иначе говоря — о применении универсальных, а не партикулярных (групповых) мер. Другое дополнение — это ожидание добросовестности от оценивающего, то есть использования полного знания и проведения углубленного анализа оцениваемого случая.

¹³ Оздоровительный отпуск (*urlup zdrowotny*) в Польше в основном ассоциируется с учителями, которые пользуются им чаще представителей иных профессиональных групп. Основания могут быть разными: учительский голос стал садиться в ходе занятий, школьный шум оглушает учителя и сказывается на его нервной системе, ему трудно справиться с современными распушенными подростками и т.д. В соответствии со Статьей 73 польского Закона об учителях директор школы вправе предоставить такой отпуск учителю, работающему по полной ставке (при полном объеме учебной нагрузки). Учитель сам решает, на какой срок он уходит в оздоровительный отпуск: на полгода, квартал или месяц.

Необходимые и приемлемые корректировки правила следуют из того, что редко когда используемые меры и стандарты имеют абсолютный характер. Обычно мы формулируем относительные оценки и мнения, сравниваемые в рамках некоторой совокупности, подвергаемой оценке. Работы, выставленные на конкурс живописи, оцениваются в сопоставлении с другими присланными картинами, а не с полотнами Микеланджело, Рембрандта и Ван Гога. На Шопеновском конкурсе выбор совершается среди его участников, их выступления не соизмеряют с исполнением Артура Рубинштейна или Владимира Хоровица. В американских университетах действует неписаное формальное правило выставления студентам оценок «по нормальной кривой», то есть в сопоставлении с достижениями других студентов курса. Им может выставляться только определенный процент оценок А (аналог наших пятерок), оценок В (уровень нашей четверки), и оценок С (минимальная оценка, позволяющая зачесть прохождение курса, на уровне нашей тройки), и только определенный процент студентов можно провалить на экзаменах. Конечно, такой подход не следует применять механически, на него стоит ориентироваться как на примерное правило, потому что в небольших студенческих группах закон больших чисел, обеспечивающий относительную адекватность «нормальной кривой», уже не действует.

Многообразии обстоятельств и форм, в которых мы формулируем мнения и оценки, приводит к тому, что возникает немало нарушений и отступлений от правил. Перечислим только некоторые: необоснованные суждения, несправедливые обвинения, диффамация и клевета, оценки опрометчивые, поверхностные и случайные, мнения и оценки умышленно пристрастные, вытекающие из nepoтизма, клиентелизма или коррупции, мнения шовинистически корректируемые под влиянием групповой лояльности, предрассудки и стереотипы, наконец, мнения, являющиеся выражением определенной идеологии или «политической правильности».

Мета-принцип возвращающегося равенства принципов

Подытожим проведенный анализ. В ходе изучения смыслов и применений идеи справедливости мы сформулировали пять принципов: 1. распределение в соответствии с заслугами; 2. выгодное участие; 3. правильная оплата; 4. достойная зарплата; 5. честная оценка. Со всеми пятью принципами соотносится принцип более высокого порядка, мета-принцип, требующий, чтобы каждый из них применялся одинаково ко всем, с использованием универсальных, а не партикулярных критериев. Можно поэтому говорить о требовании равенства в практике применения принципов. Но к людям, по отношению к которым идея справедливости проводится, равенство не относят ни как принцип, ни как конечный результат. Каждый из принципов прилагается к людям, уже неравным в тех или иных отношениях, и применение любого из них вызывает новые неравенства. Так, распределение общих ресурсов и капиталов на основе принципа дистрибутивной справедливости осуществляется в отношении людей с неравными заслугами и неравным участием. Наложение обязанностей, следующих из вхождения в общество или в ассоциацию, исходя из идеи о реализации принципа коммутативной справедливости, касается людей, в неравной степени получающих вытекающие от этого выгоды (мы все вносим платежи по обязательному медицинскому страхованию на здравоохранение, но не все лечимся). Правосудие, осуществляемое исходя

из принципа ретрибутивной справедливости, осуждает и карает людей, неравных с точки зрения тяжести противоправного акта и степени вины; также неравными являются накладываемые на них наказания. Кроме того, появляется новый существенный фактор неравенства в отношении наказываемых и освобождаемых от наказания. Цены и заработные платы, вводимые в соответствии с принципом справедливости обмена, относятся к продуктам и к работникам неравной ценности и в результате укрепляют их неравенство. Такое понимание подводит к формулировке определения справедливости в соответствии с нашим интуитивным предположением, высказанным в начале анализа: *справедливость — это равенство критериев неравенства* (иными словами, это равное по отношению к неравным применение принципов и правил, закрепляющих или порождающих в итоге неравенства). А несправедливость — это неравенство критериев неравенства (или иначе: неравное применение принципов неравенства).

Субъективные аспекты справедливости

Идея справедливости вызывает в общественной жизни очень сильный эмоциональный резонанс. Обсуждение темы справедливости порождает сильные чувства и настроения, как индивидуально, так и коллективно. Любопытно, что чувство несправедливости вызывает более сильные реакции и побуждения к действиям, чем удовлетворение от осуществления справедливости. Когда принципы справедливости осуществляются, мы испытываем чувство определенного удовлетворения, но рассматриваем это состояние как очевидное. Если же мы сталкиваемся с несправедливостью, то реагируем сразу и бурно. Нас возмущает, когда мы встречаемся с недооценкой наших заслуг или с переоценкой заслуг других. Мы возмущаемся, когда за наш вклад в общее дело и за принятое на себя бремя трудностей мы не получаем полагающихся вознаграждений и выгод, или когда их получают другие. Нас задевает, когда мы замечаем несоответствие вины и наказания, быть может, даже сильнее, когда узнаем об осуждении невинного, чем в случае, если виновный избегает наказания. Мы возмущаемся при виде неадекватных цен на товары в случае, когда они завышены, а зарплаты занижены, а не когда — наоборот. Неоправданная, неверная оценка или характеристика огорчает нас сильнее, когда нас недооценили, чем когда нас переоценили.

Особый характер приобретает чувство несправедливости тогда, когда нарушается мета-принцип, провозглашающий равное отношение и одинаковое применение правил, одних и тех же и в равной мере ко всем людям, несмотря на их неравенство. Здесь мы имеем дело с феноменом, подобным относительной депривации [Gurr, 1970], ибо он обнаруживается только путем сравнения. Можно поэтому говорить об относительной несправедливости. Принимает она три формы в зависимости от той точки отсчета, с которой мы ее соотносим. Первую форму я обозначаю наименованием эффекта притязаний (*efektu aspiracji*). Я ощущаю недостаток поощрений: наград, льгот, признаний, которые мне надлежало бы получать согласно принципам справедливости. Эти принципы оказались нереализованными. Ко мне отнеслись несправедливо, хуже, чем надлежало бы ко мне относиться. Вторую форму я обозначаю наименованием эффекта дискриминации. Я узнаю, что принципы справедливости реализуются не в отношении меня, а в от-

ношении других. Кто-то другой, привилегированный, получает выгоду из принципов справедливости, а меня обошли и исключили. Со мной поступают несправедливо, мне живется хуже, чем другим, в моем же сообществе. Третью форму я назову эффектом демонстрации. Я вижу лучшие результаты от реализации принципов справедливости в другом обществе: там люди более обеспечены, получают больше от сбора с них налогов, имеют более высокие зарплаты и более низкие цены в магазинах, их более справедливо наказывают и награждают, они получают более достойную меру признания своих заслуг. Всем нам «здесь» несправедливо хуже в сравнении с другими «там», в чужом обществе. Хорошей иллюстрацией является наш вечный комплекс отставания от Запада.

Независимо от того, имеет ли это объективные основания в фактах, или это только в представлениях людей, чувство несправедливости вызывает негативные эмоции и готовность к действиям. Однако часто такое чувство и переживание испытывается только индивидуально со стороны отдельных индивидов, которые чувствуют себя эксплуатируемыми, обманутыми, недооцененными, исключенными. Такое приватное переживание несправедливости часто сопровождается феномен «общего неведения» («pluralistycznej ignorancji») [Allport, 1954]. Мы не ведаем, касается ли несправедливость только нас, мы не можем оценить ее масштабов, чувствуем себя в наших бедах обособленными. Только когда формируется обобщенное чувство релятивной несправедливости — проводится сравнение со стремлениями, притязаниями и достижениями других и учитывается положение более счастливых, чем мы других людей — такая эмоциональная и протестная мобилизация может охватить большие сообщества и общество. Эффект притязаний, эффект дискриминации и эффект демонстрации становятся тогда разделяемым с другими массовым опытом, обретают ранг социальных фактов в смысле, который придал им Эмиль Дюркгейм [Durkheim, 1968], то есть чего-то большего, чем только индивидуальные психологические переживания. Появляется убеждение, что не только по отношению ко мне, но и ко всем нам — шахтерам, учителям, медсестрам¹⁴, полякам — совершается несправедливость, что все получают меньше, чем нам причитается по справедливости. Такие чувства, преобразованные в идеологию борьбы, получающие отражение в литературе, искусстве, религии, медиа, критичных публичных дебатах и частных беседах, вызывают возгорание больших движений протеста, а в крайних случаях приводят к социальным взрывам и к революции.

References

Allport Gordon (1954). *The Nature of Prejudice*, New York: Doubleday.

Archer Margaret (2000). *Being Human*, Cambridge. Cambridge University Press.

Arystoteles (1953). *Polityka*. Tłum. Ludwik Piotrowicz. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Avineri Shlomo (1968). *The Social and Political Thought of Karl Marx*. Cambridge: Cambridge University Press.

¹⁴ Имеется в виду волна массовых протестных акций младшего медицинского персонала в Польше в 2014—2015 гг., вызванная их низкими зарплатами.

- Banfield Edward* (1967). *The Moral Basis of a Backward Society*, New York: Free Press.
- Brighouse Harry* (2007). *Sprawiedliwość*, tłum. Sławomir Kozak. Warszawa: Wydawnictwo Sic!
- Davis Kingsley, Moore Wilbert* (1945) Some principles of stratification. «American Sociological Review», No. 2, p. 242—249.
- Durkheim Émile* (1968). *Zasady metody socjologicznej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Feinberg Joel* (1980). *Rights, Justice and the Bounds of Liberty*. Princeton: Princeton University Press.
- Fromm Erich*. (1966) *Marx's Concept of Man*. New York: Ungar Publishing Company.
- Gurr Ted* (1970). *Why Men Rebel?* Princeton University Press.
- Hobbes Thomas* (1954). *Lewiatan*, tłum. Czesław Znamierowski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Höffe Otfried* (1992). *Etyka państwa i prawa*, tłum. Czesław Porębski. Kraków: Znak.
- Kołakowski Leszek*. (1997) *O równości*. [In] ten że, *Mini wykłady o maxi sprawach*. Kraków: Znak.
- Król Martin* (1991). *Słownik demokracji*. Warszawa: ResPublica.
- Lundstedt V.* (1947) *Law and Justice: A Criticism of the Method of Justice*. In: Sayre Paul (Ed.). *Interpretations of Modern Legal Philosophies: Essays in Honor of Roscoe Pound*. New York: Oxford University Press.
- Merton Robert* (1996a). *The Ethos of Science*. In: Piotr Sztompka (red.). *R. K. Merton on Social Structure and Science*. Chicago: The University of Chicago Press: 267—276.
- Merton Robert* (1996b). *The Matthew Effect*. In: Piotr Sztompka (red.). *R. K. Merton on Social Structure and Science*. Chicago: The University of Chicago Press: 318—338.
- Pahl Ray* (2000). *On Friendship*. Cambridge: Polity Press.
- Rawls J.* (1994). *Teoria sprawiedliwości*, tłum. Maciej Panufnik i in. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Sztompka Piotr* (1991). *Society in Action: The Theory of Social Becoming*. Cambridge: Polity Press.
- Tischner Józef* (2006). *Filozofia dramatu*. Kraków, Znak.
- Weber Max* (1949). *The Methodology of the Social Sciences*. New York: Free Press.
- Wilson James* (1993). *The Moral Sense*. New York: Free Press.
- Worsley Peter* (1984). *The Three Worlds: Culture and World Development*. London: Weidenfeld and Nocolson.